

ДЕНИС
ЛИПОВСКИЙ

К О Н Т Р А Ц Е П Т И В

Денис Липовский

Контрацептив

Издательские решения
По лицензии Ridero
2018

УДК 82-3
ББК 84-4
Л61

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

Липовский Денис

Л61 Контрацептив / Денис Липовский. — [б. м.] : Издательские
решения, 2018. — 60 с. —
ISBN 978-5-4485-7520-4

У вас когда-нибудь случалось так, что все, во что вы верили, то, в чем видели
смысл жизни, рассыпалось в пыль за несколько часов?

**УДК 82-3
ББК 84-4**

18+

В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

© Денис Липовский, 2018
© Анастасия Агафонова, дизайн
ISBN 978-5-4485-7520-4 обложки, 2018

Внимание!!!

Приведенный ниже текст является художественным произведением. Все персонажи являются вымышленными. Любое совпадение с реально живущими или когда-либо жившими людьми случайно. Текст содержит нецензурную брань, сцены аморального поведения, употребления алкоголя и табачных изделий. Автор не несет ответственности за поведение персонажей, их эстетические вкусы и пристрастие к вредным привычкам, а также предупреждает, что алкоголь и табачные изделия наносят непоправимый урон здоровью человека и могут привести к его необратимым изменениям.

КОНТРАЦЕПТИВ

*Где-то снег съедает подошвы,
Нечего жалеть себя — всем бывает так
тошно.
Ну-ка громче песни, смех, горланим нарочно,
Топчемся на месте — беговая дорожка.
(с) Охххутирон*

— За что? — Андрей вопрошающе посмотрел на начальника. Лицо побелело. Голова предательски закружилась. К горлу подступила тошнота.

— Понимаете, Андрей Николаевич, — директор подошел к окну, скрестив руки за спиной, — мне очень жаль. Но поймите правильно. В стране кризис. Фирма терпит колоссальные убытки. Мы просто вынуждены пойти на ряд сокращений. Мне жаль.

— Вы же знаете, у меня ипотека... — упавшим голосом попытался возразить он.

— Мне жаль. Поверьте, правда, очень жаль! — повторил директор.

Андрей вышел из бизнес-центра. Трясущимися руками поднес сигарету ко рту. Колесико зажигалки не слушалось. Прикурив с третьей попытки, он огляделся по сторонам. Домой идти не хотелось.

Он достал телефон — седьмой айфон, купленный месяц назад в рассрочку на два года. Покрутил в руках. Посмотрел ленту недавно набранных звонков.

Позвонить Ане, покаяться и все рассказать? Нет, только не сейчас. Он еще немного подумал, затем нажал на имя друга детства, земляка и неизменного пятничного собутыльника — Витьки Карпенко.

В трубке вместо привычных гудков заиграл бэктон — хит На-

тали «О, Боже, какой мужчина».

— Хм... Хрр... Слушаю! Але! — ответил заспанный голос.

— Привет, Витя! Это Андрей! Не хочешь пойти выпить пива?

— Пива...

— Да, немного пивка. Я тут вышел с работы. Сложный день был. Вот я и подумал, может, пива немного выпить?

— Пи-и-ива-а... — задумчиво протянул Витька и вновь замолчал.

— Ну да... Чутьочку горло сполоснуть.

— Пиво — это хорошо. Давай в «Мюллере» через час, — сказал Витя и повесил трубку.

Андрей хотел было возразить, что ему не очень удобно в час-пик добираться до «Мюллера», но не успел. Убрал телефон в карман джинсов и пошел в сторону метро.

*

— Холодно, бля! — Шмыга поежился, смачно втянув сопли. Прожевал их. Звучно выплюнул буро-зеленую субстанцию на снег.

— И башлей нет ни хуя! — констатировал Атом.

По ступеням супермаркета «Дикси» спускался худой невзрачный мужчина средних лет с мешковатым пластиковым пакетом в руках. Шмыга пошел ему наперерез, преградив путь.

— Слышь, отец! — начал он гнусавым голосом. — Не выручишь нас с корешем, а? По-братски, полтишком?

— Ох, ребят, откуда у меня...

— Да ладно, отец, не падли, будь человеком! Мы же не просто так просим, а на похмел, — к нему подошел Атом. — Святое дело!

Мужик опасливо посмотрел ему в лицо — ничего не выражающее, серое, с пеньками гнилых зубов, торчащих из-под рас-трескавшихся губ. Он неуверенно достал из кармана линялой куртки несколько купюр. Трясущейся рукой протянул полтинник, убрав остальное обратно в карман.

— От души, бать! — Шмыга хлопнул его по плечу.

Он кивнул Атому на светящуюся рыжую витрину магазина. Тот оторвал взгляд от кармана старенькой куртки, ухмыльнулся напоследок, нехотя пошел за товарищем по ступеням. Мужчина облегченно выдохнул и быстро зашагал по тротуару.

*

— Такие дела, братан! — сокрушенно сказал Андрей, закончив свою историю, и уткнулся в стакан с пивом.

— Бывает, что уж, — ответил Витя. Помолчал, сделал глоток и добавил: — А я себе дробовик новый купил. На шестнадцать зарядов, прикинь! Только затвор дергаешь — бах! — он всплеснул руками.

— Ви-тя! Ка-кой дро-бо-вик! — прошипел Андрей. — Меня с работы уволили, понимаешь?! У меня денег осталось десять тысяч да карта кредитная в минусе! А через неделю за квартиру надо тридцатку отвалить, а через две — пятерку за айфон!

— Ну, плохо. Что тебе еще сказать?

— Мог бы хоть сочувствие выразить, если тебе совсем до фонаря, — сказал Андрей устало.

Он допил пиво. Закурил. Возникла неловкая пауза. Витя заерзал на стуле.

— Ладно, брат. Пойду я, пожалуй. Дома дел невпроворот. Да и на службу завтра. — Он положил пятьсот рублей на стол. — Добавишь немного, ладно? А то у меня только крупные купюры.

Андрей заказал еще два пива и попросил счет. Мельком пробежавшись по чеку глазами, даже не удивился тому, что напил на сумму почти в два раза меньшую, чем его товарищ, — всего восемьсот рублей. Достал кредитную карту, положил в синюю дерматиновую папку с выгравированной эмблемой кафе.

*

— Эх, ебать, хорошо! — Шмыга стоял, подпирая стенку подъезда в пролете между шестым и седьмым этажами. — Сейчас бы телочек еще, вообще заебись было бы!

Атом взял с подоконника двухлитровую бутылку пива «Охота». Сделал глоток. Часть напитка вытекла из уголка рта на выдавшую виды красно-бело-черную тканевую куртку Snarop.

— Телочки — это хорошо, конечно, — сказал он. — А вот бухло кончается. И куреха.

— Что предлагаешь? — спросил Шмыга.

От крепкого пива глаза сбились в кучу. Шапка съехала на затылок.

— Лоха отработать! — Атом небрежно поставил пиво на подоконник. Капли пены попали на рукав. — Пойдем к метро, где потише. А когда какой-нибудь терпила зайдет во дворы, ебнем ему фомкой по хребтине, и все! Делов-то!

— Ну не зна-а-аю, — протянул Шмыга. — Это не опасно? А мусора если?

— Да какие мусора? Все быстро сработаем! На! — Атом описал кривой удар в воздухе. — По ебальнику трубой! Терпила падает. По ребрам несколько раз для верности. Пиздим кошелек и съебываемся. Или ты, Шмыга, зассал? Если ссыклом стал — так и скажи. Нечего вола тут ебать!

— Я ссыкло? — заорал Шмыга пьяным голосом. — Я еще в девяностые лохов окучивал на районе! Спроси любого — все скажут, кто такой Шмыга!

Он оттолкнулся от стенки. Пошатнулся, но устоял на ногах. Откинул крышку мусоропровода. Оттянул спортивные штаны Badedao с тремя грязными полосками по бокам. Струя мочи попала сначала на кафель, затем на ребро жестянки, отрикошетив на руки, штаны и куртку. Ему потребовалось немалое усилие, чтобы сфокусировать взгляд и попасть в углубление крышки.

— А теперь пойдем, покажу тебе, как настоящие пацаны деляну мутят! — Шмыга с шумом захлопнул крышку мусоропрово-

да и спустился по ступенькам к лифту, вытирая ладони о штаны.

*

— Молодой человек!

Андрей уже почти зашел в подъезд, но обернулся. Позади него стояла очаровательная девушка. Пронзительные светло-серые глаза. Темные волнистые волосы собраны в элегантный хвост.

— Простите, пожалуйста! Не могли бы вы мне помочь? — продолжила она и указала рукой в сторону припаркованного автомобиля — иномарки бюджетного класса с открытым капотом.

— А что случилось? Не заводится? — спросил он.

— Не заводится, — огорченно выдохнула девушка. — Вчера съездила на ТО вечером, все было в порядке.

— Разрешите, — Андрей подошел к машине и повернул ключ зажигания.

Тщетно. Автомобиль не издал ни звука. Он сразу смекнул в чем дело и пошел к капоту. Поправил минусовую клемму аккумулятора. Прошла искра, прозвучал характерный звук сигнализации.

— Так я и думал. У вас ключ на десять есть? Видимо, в авто-сервисе забыли закрутить гайку.

— Не знаю. Должен быть, — она извлекла из багажника коробочку с инструментами и протянула ему. — Посмотрите, пожалуйста. Меня Маша зовут. А вас?

— Андрей, — улыбнулся он, беря в руки набор ключей. — Очень приятно!

— И мне! Я совсем недавно в этот дом переехала. Еще никого не знаю даже. Будем теперь знакомы!

Он хотел ответить, но громкий визгливый голос не позволил сделать это, грубо разорвав своими децибелами окружающее пространство.

— Тарака-а-а-ано-о-о-ов! Долго тебя-я-я еще жда-а-ать, а?!
Андрею захотелось провалиться сквозь землю. Прямо здесь

и сейчас — упасть в разверзнувшийся асфальт и лететь навстречу внутреннему ядру сквозь все слои земной коры.

*

— Может, вот этого? — Атом показал пальцем на лысого мужчину с барсеткой в кожаной куртке.

— Не, это вроде ровный пацан. Нормальный, как мы с тобой, — Шмыга с шумом втянул сопли. — Надо какого-нибудь пидораса найти. Вон, смотри, нифер!

Из вестибюля метро вышел молодой парень в косухе с торбой на плече. Из-под куртки выглядывал балахон с красным логотипом какой-то металлической группы. Длинные русые волосы спадали на плечи. Он достал пачку сигарет, закурил. Свернул во дворы.

— Вот скажи, Шмыга, нахуя ему такой шевелюр? — недоумевал Атом. — У него денег на стригуна нет что ли?

— Просто он пидорас, вот и все. Деньги-то у него наверняка есть. Пошли! Только не суетись, епта. Делаем вид, что просто гуляем.

Они свернули вслед за парнем. Прошли несколько домов, держа дистанцию перед потенциальной жертвой. Тишину улиц, подсвеченных светом тусклых фонарей, нарушал лишь шум изредка проезжавших машин.

Атом посмотрел на Шмыгу. Тот кивнул, выпустил из рукава прут арматуры и гнусаво выкрикнул:

— Слышь, пацанчик! Сигареткой не угостишь?

Парень обернулся. Хотел что-то ответить, но не успел. Атом, подкрававшийся сзади, ударил его куском трубы по спине. Металлист вскрикнул. Согнулся пополам. Дыхание сперло, лицо скривилось от боли и покрылось испариной. Торба слетела с плеча, упала в снег.

Он поднял голову, шумно лоя ртом воздух, и увидел ощерившееся лицо Шмыги с зеленой пузырящейся соплей, свисавшей с левой ноздри. Оно было так близко, что парень чувство-

вал запах перегара и гнилых зубов.

— Не надо, не бейте! Я все отдам! — взмолился он.

— Хе-хе, — дебиловато хихикнул Шмыга. — Конечно, отдашь! Куда же ты денешься! — прогоготал он и опустил на русоволосую голову кусок арматуры.

*

— Ты где шлялся? — Аня вышла из кухни в коридор.

Андрей снял ботинки, повесил куртку в шкаф. Повернулся к ней лицом. Внимательно посмотрел в светло-серые давно ставшие чужими глаза. Неужели он когда-то любил эту женщину? Любил, бесспорно, любил. Но сейчас он не испытывал к ней ничего, кроме странной привычки. Такую некоторые люди испытывают к включенному фоном телевизору.

— Привет, — сказал он.

— Я спросила, где ты шлялся? — она подошла к нему и отвесила звонкую пощечину. — Блядей на улице клеил?

— Никого я не клеил, — Андрей растерянно потирал покрасневшую щеку. — У девушки просто машина сломалась. Решил помочь.

— Ты бы мне так стремился помочь!

— Не начинай, пожалуйста, — устало произнес Андрей. — У меня и так проблем по горло.

Он взъерошил волосы, обхватил лицо руками, шумно выдохнул и, глядя в пол, безразлично признался:

— Меня с работы уволили. Кризис. Сказали, нужно сократить штат.

Аня с минуту помолчала, переваривая услышанное. Затем схватила его за волосы и принялась трепать из стороны в сторону. Андрей не сопротивлялся. Со стороны он походил на наскучившую тряпичную куклу, терзаемую непослушным ребенком.

— Мразь! Скотина! Паскуда! — кричала она. — На что мы жить теперь будем?! Думаешь, я работать пойду?! Хуй тебе, слизняк паршивый! Тварь, какая же ты тварь! — Аня с силой по-

тянула сожителя на себя.

Андрей не удержался и вместе со стулом упал на пол. Она села на колени и отвесила еще несколько пощечин. Отползла в угол и зарыдала.

— Какое же ты бесхребетное чмо! Ничего не можешь добиться в жизни! Самый настоящий гондон, плывущий по течению! — сыпались проклятия с ее губ. — Тебе уже тридцать лет! А чего ты добился?! У всех вон квартиры, машины, отдых на шикарных курортах! А чего добился ты?!

— У меня тоже есть квартира, — тихо сказал Андрей, потирая покрасневшие щеки. — И я думаю, не случилось бы ничего страшного, если бы ты тоже искала работу, пока мы не встанем на ноги.

— Да пошел ты! Я ухожу от тебя, ничтожество!

Девушка встала, откинула с лица спутавшиеся волосы. Споткнулась, запутавшись в собственных ногах.

— Не горячись, — Андрей безнадежно пытался стабилизировать ситуацию. — Выпутаемся. Сейчас позвоню Витьке, займу немного денег. На первое время...

Аня посмотрела на него, все еще сидевшего на полу в рабочих брюках и рубашке, сверху вниз. «Менеджеришка хуев», — пронеслось в голове. Девушка рассмеялась.

— Какой же ты идиот, — сказала она, не скрывая ехидной улыбки. — Мы все думали — когда же ты догадаешься, наконец? Но ты такой дебил, что не видишь дальше собственного носа! Мы встречаемся уже больше года!

— С кем?.. С Витькой?

— Помимо того, что ты гондон и чмо, у тебя еще с мозгами проблемы! Конечно с Витькой! — Аня сорвалась на крик. — И он трахает меня, как ты никогда не трахал! Потому что не способен на такое. Рожденный ползать — летать не может!

Андрей похолодел. В голове помутилось. Куча образов проплыла перед глазами. Испуг, ярость и досада коварным миксом проступили на лице. Он занес ладонь над головой девушки — своей девушки, с которой делил постель, кров, жилье, сокровен-

ные мысли, мечты — делил свою душу и любовь последние несколько лет.

— Ну, давай, ударь! Может, хоть это сможешь?! Будь мужиком, давай! Ударь свою бабу хоть раз! — Аня с вызовом смотрела ему в глаза.

«Уже бывшую бабу», — подумал Андрей и опустил руку.

Злость ушла. Не осталось ничего, кроме пустоты и безразличия. Он надел ботинки, куртку и вышел из квартиры.

*

— Гхе, Вась, ты только глянь, — Шмыга достал из торбы роман Стендаля «Красное и черное» и швырнул в пролет между этажами.

Книжка скатилась по ступеням, упав напротив дверей лифта.

— Точно педрила! Нормальные пацаны деляны мутят, лавеху стригут, а не в книжки тычутся, — Атом ковырялся в кошельке металлиста, кидая неинтересующие вещи — водительские права, пластиковые карты, фотографии — в открытый люк мусоропровода. — Сука, ебанный нифер! Две тысячи с копейками всего. Даже в рот пихнуть негритянкам на Есенинском не хватит! — он кинул бумажник вслед за остальным и захлопнул крышку.

Шмыга достал компакт-диски «Арии» и «Алисы». Пустил по лестнице в компанию к Стендалю. Снова с озабоченным видом запустил руку в торбу.

— Не могу понять: вроде все прошмонал, но такое ощущение, что внутри еще что-то есть.

— Дай сюда, — Атом вырвал недорогую холщовую сумку с принтом Iron Maiden из рук подельника, перевернул вверх дном и потряс. — А в натуре!

Он достал из кармана затертый нож-выкидушку, грубо вспорол ткань. Еще раз потряхнул истерзанный мешок. На пол с глухим стуком выпал пистолет в черной кожаной кобуре.

*

— Кто там? — спросил из-за двери хриплый заспанный голос.

— Витя, это я, открывай! — Андрей ударил кулаком в дверь. — Надо поговорить!

Послышались шарканье тапочек, шебаршение. Дверь распахнулась.

— Дрон? — удивленно спросил хозяин квартиры. — Я думал, что на сегодня наговорились уж...

Друг детства стоял лишь в одном исподнем и резиновых тапочках на босу ногу. Массивный пивной живот свисал над резинкой трусов.

— Да вспомнил про дробовик твой новый. Смотрел ролики на «Ютубе», так интересно стало, аж решил к тебе сходить посмотреть вживую. Не покажешь?

— Ты из-за этого пришел? — недоверчиво спросил Витя.

— Ну да. Гулял, решил к тебе зайти. Я же теперь свободный человек. На работу вставать не надо рано, могу гулять в любое время, — Андрей грустно улыбнулся. — Так я зайду?

— Проходи, конечно! Только давай недолго. Мне-то, в отличие от тебя, на службу завтра. Водку будешь? Осталась еще бутылка!

— Наливай, — сказал Андрей, снимая куртку.

Витя разлил водку по стаканам. Отрезал большим кухонным ножом несколько долек лимона.

— Извини, — оправдался он. — Из закуси нет толком ничего. Андрей махнул рукой, взял стакан. Они чокнулись, выпили.

*

— И что мы с ним делать будем? — спросил Шмыга, задумчиво глядя на пистолет. — Может, на «Авито» продадим?

— Вась, ты совсем идиот? — Атом вырвал оружие из рук товарища.

— Вась, а что такого? Вон Костян там пневмат толкнул. За хо-

рошие башли, между прочим.

— Так то пневмат. А это — огнестрел. К тому же нифер, наверное, маляву уже в мусарню накатал. Он же педик — такие первым делом к мусорам бегут.

— Что же делать тогда? — задумчиво спросил Шмыга, вытерев указательным пальцем сползшую на губу слюну.

— Зайдем завтра к Бизнесу, может, он что подскажет. А пока на чердаке спрячем от греха да пойдем, бухнем на кропали нифера. К телочкам не сходили, но с паршивой овцы, как говорится...

*

— Сюда патроны вставляешь, передергиваешь затвор — остается только курок нажать, — Витя улыбнулся.

Впервые за день лицо преобразилось. Глаза заискрились неподдельным интересом.

— Можно посмотрю? — Андрей выхватил у друга детства дробовик. — Смотри, сюда заряжаю, — он взял из коробки патроны, заправил в магазин. — Передергиваю затвор, — направил прицел Вите в грудь. — Остается только нажать курок. Да?

— Дрон, ты чего? — хозяин дробовика опасливо попятился.

Босые ноги запутались. Он нелепо повалился на пол, широко раскинув колени. Часть половых органов выпала из широких белых семейных трусов. Андрей с трудом подавил в себе смешок. «Интересно, сколько дней он ходит в одной паре? — подумал он. — Как? Как Аня могла променять меня на это? Как могла лечь с ним в постель?»

— Я хочу убить тебя, Витя. Только и всего!

— Узнал все-таки, да? — Витя сплюнул на пол. — Знаешь, а я сам хотел тебе все рассказать. Не потому что она нужна мне, нет. С блядью, которая ебется с первым встречным, не может быть никаких серьезных отношений.

— Не говори про нее так! — прохрипел Андрей.

— Я хотел тебе все рассказать, по-дружески. Можешь не ве-

рить, но это действительно так, — как ни в чем не бывало продолжил земляк, оставаясь все в той же позе. — Тебе горько это слышать, я знаю. Но кроме того как походя пихнуть ей на ротан или слить баки после тяжелой трудовой недели в отделе, эта сучка ни на что не годна.

В груди Андрея повисла тяжесть, будто где-то внутри, в области сердца, кто-то подвесил пудовую железную гирию. Дыхание затруднилось. Волна ярости затмила разум, заливая визуальную картину восприятия в мутно-оранжевые искрящиеся цвета. Едва соображая, что делает, он подлетел к Вите и ударил прикладом дробовика по лицу.

Подбородок земляка взметнулся вверх. Описав причудливую гиперболу, ощерившееся одутловатое лицо с глухим стуком ударилось о поверхность ламината. Андрей пытался нащупать курок — руки тряслись так, что дробовик едва не выпал из рук.

Друг детства упер ладони в пол, растерянно потряхнул головой. Багровая слюна струей стекала из уголка рта. Он выплюнул осколки зубов, неловко сел на пол. Массивный кривой член сно-ва вывалился из трусов. Андрея передернуло.

— Тебе пиздец! — бросил Витя, осторожно коснувшись нижней части лица. — Лучше сразу из города уебывай! Ты же понимаешь, щенок, что уже через несколько часов ребята из отдела принесут тебя в мой кабинет?! А потом, — он усмехнулся, изо рта вылетели кровавые капли, — мы с тобой поиграем!

Андрей продолжал молча смотреть на бывшего друга. «Минус два», — безжалостно произнес внутренний голос. Еще один близкий человек, так искусно казавшийся другом все эти годы, отбросил маску, показав истинное лицо.

— Но это же будет только через несколько часов? — сказал Андрей и поднес дуло дробовика к разбитым губам.

Страх немного притупился. Его выталкивала апатия, замешанная на безразличии и разочаровании. Тремор не ушел, но уже не мешал.

— Давай, гондон! Жми! — взревел Витька. — Жми на курок! Раз, и все! Это просто!

В комнате повисла гнетущая тишина. Неужели это тот самый Витька? Полноватый улыбчивый застенчивый подросток, с которым они после занятий обсуждали девчонок-одноклассниц, играли в футбол на каникулах летом? Он еще смеялся над его ударом пыром, показывая, как бить по мячу правильно, внешней стороной стопы... Рассудок Андрея закружило беспорядочным потоком мыслей. Он молча смотрел в глаза земляка, держа дуло дробовика в нескольких сантиметрах от разбитого лица.

— Жми, сука! Или слабо? — полуголый мужчина перешел на истеричный фальцет. — Рассказать, как она брала в рот? Только представь, как ты целовал ее в губы, после того как она...

Удар ноги прервал поток бранных слов. Андрей по-футбольному, как когда-то давно учил его Витька, — не это жалкое распластанное на полу существо с вывалившимся напоказ хуем, а тот улыбчивый добрый парень из детства, — пробил прямо в голову. Опустил дробовик и вышел из квартиры.

*

— Одно я тебе точно могу сказать, — Шмыга сотрясал воздух куском надкушенного сервелата, сжатого в руке, — на воле делать нехуй! Там, на зоне, жизнь правильнее. Сразу видно, кто ровный пацан, а кто петушара конченный. А здесь что? Одни пидоры кругом! Смотришь на них, штаны эти узкие, как у баб, волосы до жопы... Тьфу!

— Верно все говоришь, Вась! Я в то время пиздюком еще был, многого не застал. Но видел в фильмах, что жизнь хоть и сложная была, но правильная! Были же вот тогда такие ровные пацаны: Саша Белый, Петя Рама, Саймон, Даня Багров. Давай выпьем за них!

Атом достал из пластикового пакета «Дикси» бутылку «Кинового». Разлил коньяк в пластиковые стаканы. Протянул один подельнику, второй взял сам.

— За пацанов! — не без гордости в голосе произнес Шмыга. Они чокнулись. Выпили. Атом достал смартфон, включил

песню группы «Бумер». Начал гнусаво подпевать: «Не плачь и жди меня домой! Ты помни — я живой, а значит, я вернусь домой!»

— Знаешь, Вась, — Шмыга встал со ступенек, поправил на затылке шапку-пидорку и пристально всмотрелся в глаза товарища. — Да, они парни крутые, тут базара ноль. Только тогда деяны мутить проще было! Бизнес честный был: договорился с братвой, ментами — работай спокойно. Помню, мы с Сипой в 95-ом шлюх крышевали, — он мечтательно закатил глаза. — Эх, золотое время было! Помню, один фраер снял девку на ночь, а утром выгнал, не заплатив. Поехали его прессовать. Открывает он дверь. Сипа смотрит на него пристально так и говорит: «Хуево ты поступил, пацан, придется штраф теперь платить — тройной тариф». Хватает за горло, достает перо — и под яйца ему подставляет. Эх, — Шмыга с досадой махнул ладонью и перевел взгляд в сторону мусоропровода, — были же пацаны раньше! — сплюнул под ноги. — Завалили Сипу. Азера на «Афганце», — процедил он сквозь гнилые зубы, продолжая сверлить стенку взглядом.

Атом выдержал паузу в знак солидарности по невинно убиенному Сипе. Затем разлил коньяк.

— За пацанов! — выдохнул он.

*

— Что вас терзает?

Андрей неуверенно обернулся. Неподалеку на лавочке сидел старик неопределенного возраста. С одинаковым успехом ему могло быть как шестьдесят, так и все девяносто. Старенькое, но опрятное темно-синее пальто, фетровый берет, прикрывавший седую голову, и очки в роговой оправе делали его образ еще более фантазмагорическим и сюрреалистичным.

— Да-да, молодой человек! Я обращаюсь к вам! — улыбнулся он.

Андрей пристрасно, но без злобы в глазах посмотрел

на мужчину. Замялся. Незаметно, как ему казалось, поправил спрятанный под курткой дробовик и сел рядом.

— Как вам сказать...

— Скажите прямо — как есть, — старик погладил идеально выбритые щеки. — Как говорил Антон Павлович: «Краткость — сестра таланта». Если к этому добавить честность, то все получится.

Андрей достал пачку «Парламента». Жестом предложил собеседнику.

— Благодарю вас, молодой человек, но не курю. Смолил в молодости — бросил. Скверная привычка. И лишь избавившись от нее, понимаешь это как нельзя лучше, — ответил тот. — Давайте я лучше предложу вам кофе?

Старик достал из тканевой сумки небольшой термос. Налил кофе в крышку, одновременно служившую стаканом. Передал Андрею.

— Угощайтесь! Кофе действительно очень вкусный — итальянский. Пенсия у нас, сами знаете, невелика, — грустно ухмыльнулся пожилой человек. — Нет, я не жалею, отнюдь. Однако, урезать себя приходится во многом, — он засмеялся. — Но вот от хорошего кофе отказаться я не могу!

Андрей неловко взял стакан обеими руками. Жестянка термоса приятно согрела ладони. Он сделал глоток. Закрыв глаза.

— И правда — очень вкусный. Спасибо!

Старик кивнул, улыбаясь. Какое-то время они молча созерцали уютный пейзаж окраинного московского дворика, тишину которого нарушали лишь припозднившиеся прохожие и доносившийся издали шум машин.

— У вас когда-нибудь случалось так, что все, во что вы верили, то, в чем видели смысл жизни, рассыпалось в пыль за несколько часов? — спросил Андрей, возвращая посуду собеседнику.

Мужчина в синем пальто неопределенно пожал плечами, закручивая крышку термоса.

— У меня много чего случалось, — сказал он. — Но я жив

и живу по сей день. Это главное.

— А мне кажется, что я уже даже жить не хочу, — горько усмехнулся Андрей. — Еще вчера у меня была работа — не самая лучшая, да, но работа, позволявшая вполне сносно существовать, гасить платеж по ипотечному кредиту и чувствовать уверенность в завтрашнем дне. Самое обидное, что я никогда не опаздывал... Задерживался допоздна, когда начальство просило... Выполнял план... А сегодня днем генеральный вызвал к себе и просто поставил перед фактом. Сволочь, даже две недели доработать не дал.

— Знаете, молодой человек, как говорил Мишель Монтен: «Надо уметь переносить то, чего нельзя избежать».

— Кто такой Мишель Монтен?

— Французский философ эпохи Возрождения.

— Посмотрел бы я на него в такой ситуации.

— Послушайте, — в голосе старика послышались нотки раздражения, — то, что с вами случилось, это больно и неприятно. Но вы молоды, здоровы — вся жизнь в ваших руках! И ни в чьих других. Работа, девушка — все это ерунда! Значит, это были ошибочные жизненные эпизоды. Будут еще! Я бы очень хотел вернуться в ваш возраст, да не могу! У вас же есть шанс все изменить, исправить, прожить жизнь счастливо и в гармонии с собой. Не растратьте его понапрасну!

— Может, вы и правы, — пробурчал Андрей.

Речь пенсионера пристыдила его. Подействовала отрезвляюще. Выветрила из головы мысли тотального сожаления и ощущения безнадёги.

— И избавьтесь от этой штуки, — старик указал на выпирающий из-под куртки дробовик. — Не знаю, что это. Даже знать не хочу. Но вам оно ни к чему.

Он встал с лавки, подхватил тканевую сумку. Кивнул на прощание и зашагал в сторону многоэтажек. Андрей долго смотрел вслед удаляющейся фигуре. А когда та, наконец, исчезла за поворотом, запрокинул голову вверх, созерцая ночное зимнее небо.

*

Атом дернул входную дверь магазина «Дикси». Когда та не поддавалась, перевел полуприкрытые глаза на собутыльника и резюмировал:

— Закрыто, епт!

— Да, — Шмыга шумно втянул соплю, провел указательным пальцем вдоль левой ноздри, сплюнул на снег. — Бля, пять минут всего не успели! Пойдем в «Пятерку»? Она до одиннадцати вроде.

— Пойдем — хуль делать, — выдохнул Атом.

Он достал из кармана куртки початую бутылку «Киновского» конька, открыл крышку и присосался к горлышку. Поморщившись, вытер рот рукавом и протянул остатки собутыльнику.

— Знаешь, братан! — Шмыга держал бутылку двумя руками и сомнамбульно глядел куда-то вдаль. — А давай с собой волюну возьмем, а? Все-таки не наш район уже. Корешей там до хуя, на сто семнадцатом, базара ноль... Но с волюной-то оно спокойнее. А если повезет, шваль какую встретим, отработаем по красоте — пидора там какого припозднившегося или панка патлатого.

— Не знаю... А не опасно на своем районе? — засомневался Атом.

— А сто семнадцатый — это уже не наш район.

— Ну все равно, рядом же. Это не у метро, где народу жопой жуй. Вдруг спалит кто?

— Да никто не спалит! Что ты ссышь? Еще мне что-то говорил. В девяностые пацаны так сиськи не мяли, решительнее были. Знаешь, как Сипа в девяностом меня выручил, а? Мы тогда малыши были, лет по пятнадцать всего, а уже тогда жилка предпринимательская была — заработать стремились — не то что ваше поколение, лишь бы только водку по подъездам жрать да клей нюхать.

— Я клей не нюхал, — возмутился Атом.

— Ну не клей, так черняжка, одна хуйня! Что, хочешь ска-

зять, черняжкой не ставился по ветке?!

— Черняжкой ставился... Все тогда ставились...

— Ну вот, так что целку не строй из себя. Лично помню, как Коля Патефон тебя неудачно поставил году в 2005-ом и ты весь пролет заблевал с седьмого по первый. — Шмыга усмехнулся. — Пес тогда еще за пивом к Михе Палаточнику ходил, пару баклах одолжить. В падик входит. Идет к лифту. Кнопку жмет. Ну, о перила жопой оперся, стоит. А ему блевня сверху на голову капает. Ух, и разозлился Пес тогда. Все говно хотел из тебя выбить. А ты лежишь у стенки, ни хера не соображаешь — встать даже не можешь. Повезло тебе тогда, Виталя вступился. Говорит: «Пес, плохо пацану. Не доебывайся. С каждым бывает».

Атом насупился и покраснел. Несмотря на порядочное алкогольное опьянение, обычно стирающее зачаточные рамки совести и приличий, кои в системе координат его норм и морали отсутствовали в принципе, вспоминать о том неудавшемся экспериментальном опыте употребления инъекционных наркотиков было неприятно и стыдливо. Он поспешил перевести неудобную тему.

— И как же тебя Сипа в девяностом выручил?

— О-о-о! — Шмыга допил остатки коньяка и вытряс оставшиеся капли на снег, продолжая держать пустую бутылку. — Сипа — пацан! Всегда им был! Время тугое было в те дни. Отец на заводе своим годами получки не видел. Швырнули как-то раз гречки два мешка и маргарина — весь холодильник этим говном забит был. И вот так полгода только этим и питались. Я куреху даже не мог купить. Бычки с Сипой подбирали, представляешь? — Он смерил взглядом Атома. — Кстати, дай сигаретку!

Собутыльник протянул пачку «Явы». Шмыга достал сигарету, сунул в угол рта и покрутил в воздухе колесико воображаемой зажигалки. Атом прикурил ему сигарету. Закурил сам. Вдалеке послышался резкий визг тормозящего автомобиля.

— Да... Как вспомнишь, — продолжил Шмыга, выпустив струю сизого дыма в воздух. — Мы ведь пиздюками тогда еще по сути были. А выбора уже не было: вроде вся жизнь впереди,

но кому она нахуй нужна такая? Выбор один стоял: либо воруй, барыжь, наебывай, крутись — либо медленно сдохни, пожирая гречку вприкуску с маргарином. Мы выбрали первое. Я тогда после девятого в училище пошел, на столяра, — он сделал ударение на первый слог. — Там-то один парниша и подсказал, что можно нехилые бабки поднимать, снимая значки с тачек. Для нас, пиздюков, нехилые, само собой. На улицах только-только стали массово появляться первые иномарки. Не так, конечно, как сейчас, но по три-четыре машины во дворе стояло уже. И не то говно, что сейчас, а настоящие — «бумеры», «мерсы», «ауди». Про значки, в общем-то, я и до этого слыхивал, знал, что снимают, но вот то, что их можно толкнуть, да за нехуевый прайс — даже представить не мог. А парниша, погнало у него еще такое пидорское было — Кельвин, потому что джинсы все время носил Calvin Klein, отвез нас с Сипой на Южнопортовый авторынок и свел с барыгами, которые брали на ура эмблемы тачек, даже русских, а трехлучевую звезду так с руками отрывали. И дело пошло. Трудились не покладая рук несколько месяцев.

— Мы тоже значки снимали, — кивнул со знающим видом Атом.

— Ты, Вась, не равняй хуй с ручкой трамвайной. Когда ты снимал, это уже никому не упало. А мы в самую струю попали. Помню, однажды с улова вышло больше ста баксов на рыло, представляешь? Нет, ты не представляешь. Баксы уже не те, цены уже не те, все не то. Мы первым делом в «Макдональдс» зашли и наелись досыта этим говном поролоновым. Сипа столько сожрал, бедняга, что обратно полезло, — мышцы лица Шмыги скривились в подобие улыбки. — За соседним столом чмырь какой-то сидел с телкой, так он его таким фонтаном блевоты обдал, что у того аж очки с прыщавой рожи слетели. Ну а потом мы купили водки, самой дорогой, и хорошенько так нахуярились! Мы были счастливы. По-настоящему счастливы! И занимались этой темой почти год. Пока однажды, срезая тросик очередной «мерсовской» звезды, мне не прилетел нехуевый удар в ухо. Бах, бля! — он бросил пустую бутылку «Киновского» на асфальт.

Раздался приглушенный хлопок. — Вот так примерно и было! — Шмыга засмеялся. — Только еще искры из глаз. Не повезло мне тогда. Хозяин тачки, бычара такой, спалил прямо во время деляны, представляешь? Я повалился, в клубок завернулся, от боли охуеваю просто, а он все пиздит и пиздит ногами. Мысленно с жизнью уже попрощался. И вдруг слышу удар такой глухой, будто арбуз раскололи. И бык на меня валится. Я встать пытаюсь, тяжело же, еще болит все пиздец, и случайно головы касаюсь. На руку смотрю, а там каша какая-то. Я как понял, что это мозги, так обратно повалился навзничь. В себя пришел только через пару минут. Вижу, Сипа рядом присел на корты, в одной руке фомка, другой чинарик смолит. Улыбается. Говорит: «Вставай, братан! Пора рвать когти!» Я бы, натурально, от страха обосрался, а он просто сидит спокойно с чинариком, не торопится. «Пора рвать когти!» — прям как сейчас помню этот голос. А ты мне: «Саша Белый, Петя Рама», — Шмыга снисходительно посмотрел на Атома. — Так что давай-ка пойдем, слазим на чердак, возьмем волюну и подыдем еще, как нормальные пацаны. В память о Сипе.

— Ну а как же Бизнес? Мы же ему хотели завтра ствол продать...

— Да в жопу Бизнеса!

*

— Ой, простите! — Андрей отпрянул в сторону, чуть не выронив дробовик из-под куртки.

Будучи полностью погруженным в свои мысли, он не заметил Машу, выходявшую из подъезда, и едва не сшиб ее с ног, увернувшись в последний момент.

— Ничего страшного! Бывает, — она улыбнулась и поправила челку.

Возникла неловкая пауза.

— Спасибо вам за помощь, — первой нарушила тишину девушка. — Вы мне очень помогли. Казалось бы, мелочь, а я уже

запаниковала и собралась вызывать эвакуатор.

— Был рад помочь! И... — Андрей запнулся. — Хотел бы извиниться за поведение супруги, бывшей супруги. Не стоило молчать и позволять ей оскорблять вас. Мы расстались, но еще не решили вопрос с квартирой, вот она и бесится.

— Забудьте, — Маша махнула рукой. — Мой бывший муж свихнулся на фоне ревности, в прямом смысле слова. Поначалу все это казалось забавным, даже милым — встречал с работы, звонил ежечасно. Но очень быстро стало надоедать. Апофеозом стало нападение на моего коллегу по работе. Безумец сломал парню руку в двух местах, нос и выбил несколько зубов. До уголовного дела так и не дошло — у него много влиятельных знакомых и друзей — дал взятку следователю и забыл обо всем, будто ничего не случилось. А я не забыла — на следующий же день подала на развод и уехала к родителям, — девушка моргнула и легонько потрянула головой. — Простите, что вывалила на вас все это.

— Все нормально, — сказал Андрей. — Давайте на «ты»?

— Давайте, — Маша засмеялась. — То есть давай! — она посмотрела на часы. — Прости, надо бежать, хочу успеть в магазин, до закрытия осталось всего пятнадцать минут.

— А можно составить компанию? — спросил Андрей, набравшись смелости. — Мне некуда спешить.

*

— Стой! — крикнул Атом, схватив подельника за куртку и дернув на себя.

Черный «Солярис» повело юзом, запахло паленой резиной. Бампер корейского седана остановился в полуметре от Шмыги. Он улыбнулся, поправил пидорку на затылке, затянулся чинариком, зажатым меж подгнивших зубов-пеньков.

Водитель открыл окно и закричал:

— Ты что, охуел?! Дебил!

Шмыга промолчал. Он затушил бычок о капот «Соляриса»,

оттянул резинку спортивных штанов и принялся мочиться на капот, целясь в фары и решетку радиатора. Облако зловонного пара разошлось в стороны.

— Ты что же, блядь, делаешь?! — водитель выскочил из-за руля, преисполненный намерением разбить голову незадачливого выпивохи о капот.

Едва он приблизился, Шмыга, не потрудившись убрать половой орган обратно в исподнее, достал пистолет и выстрелил над головой водителя. Высокий коренастый мужчина в очках на тонкой золотистой оправе повалился на асфальт, упершись взглядом в вислый, заливавший треники мочой член.

— Крутой, да? — прогнусавил Шмыга.

Водитель «Соляриса» испуганно, по-детски захлопал ресницами. Неловко прополз на карачках несколько метров, мимолетно обернувшись. Лицо человека, направившего пистолет в его сторону, расплылось в пьяной беззубой улыбке. Что-то пугающе-неживое блеснуло в отсутствующих, сбившихся к носу глазах. Именно этот мертвецкий блеск заставил мужчину собраться, встать на ноги и побежать.

*

— Ты рано вышла замуж? — спросил Андрей, когда они покинули двор многоэтажки.

— Сразу после учебы, — Маша на мгновение прищурилась. — В 2009 году. Страшно подумать, почти восемь лет назад. А ты?

— Я немного преувеличил, назвав Аню супругой, — признался молодой человек. — Мы просто жили вместе. Хотя... какая по сути разница. Десять совместных лет тоже накладывают определенный отпечаток, без разницы — со штампом или без одного. Ты любила мужа?

— Не знаю. В тот момент казалось, что да. А сейчас даже не знаю. Я была другой — наивной молодой девочкой, едва окончившей институт. В том возрасте весь окружающий мир вос-

принимался совсем иначе — хотелось романтики, любви, красивых отношений. Антон — так его звали, точнее, зовут по сей день, он живет и здравствует, насколько мне известно, но я предпочитаю говорить о нем исключительно в прошедшем времени — умел преподносить все красочно. Цветы, сюрпризы, подарки — каждый раз что-то новое. И, конечно, я не устояла. Когда он предложил выйти за него замуж — созвал прекрасный ужин, пригласил всех своих, моих, наших общих друзей, купил шикарное кольцо, которое преподнес, галантно припав на одно колено, — я просто не смогла устоять. Но последующая совместная жизнь оказалась куда рутиннее и прозаичнее.

— Жизнь почти всегда рутинна и прозаична, — досадливо сказал Андрей.

— Разве? — озорно поддразнила его девушка. — Может, ты просто сам делаешь ее таковой?

— В каком смысле?

— Если твоя жизнь кажется однообразной, серой и рутинной, разве это не повод что-то в ней изменить? — Маша остановилась у крыльца «Пятерочки».

Ветер трепал ей волосы, то и дело швыряя пряди волос по лицу.

Из магазина вышел пожилой алкоголик в тапочках на босу ногу. Он нетрезво окинул взглядом молодых людей и, сжимая в руке бутылку дешевого портвейна, зашагал по слякоти.

— Как? — растерянно спросил Андрей.

— Делать так, как подсказывает сердце. Выбирать работу по душе, спутника жизни — по любви. Не бояться делать выбор. Если что-то не нравится — пытаться как-то это менять, а не инертно плыть по течению.

— Ни одна работа не может нравиться, — упрямо возразил он.

— Может! — возразила девушка. — Человек должен получать от жизни удовольствие. Здесь и сейчас. Не стоит строить иллюзий, будто настоящая жизнь начнется когда-нибудь потом, позже — а пока надо потерпеть. Не начнется! Если сидеть, жа-

леть себя, плакаться и ныть: «ни одна работа не может нравиться, жизнь почти всегда рутинна и прозаична», — передразнила она, нарочито добавив напыщенного театрального минора.

— Говорить легко! — гаркнул Андрей на всю улицу.

Редкие прохожие обернули головы на возглас. Даже алкоголь в шлепанцах, дошаркавший почти до угла здания, остановился, выпучил глаза и посмотрел куда-то в черное небо.

Молодой человек сам удивился внезапному порыву злости. Весь негатив завершающегося дня, столь долгого и паршивого, наконец вырвался наружу. Он смущенно потупил взгляд:

— Извини. Это было грубо с моей стороны. Обычно я не подвержен столь резким эмоциональным всплескам. Точнее, вообще не подвержен. Такое впервые. Все, наоборот, считают меня инертным и безынициативным — никчемным куском говна. Наверное, они правы. Я такой и есть. А ты, сама того не подозревая, попала в самую болезненную точку. Просто сегодня я умудрился потерять девушку, работу и лучшего друга. И даже совершенно не знаю, чем буду гасить следующий ипотечный платеж.

Маша пожала плечами:

— Ничего. Я не из обидчивых. К тому же не знала, что ты попал в такую ситуацию. Она неприятная. Очень неприятная. Но помни, что за ночью всегда приходит день — все образуется. Главное — верь в себя. Пойдем, — она коснулась ручки двери и потянула на себя. — А то опоздаем.

«Может, она и права», — успел подумать Андрей, проследовав за девушкой в узкий дверной проем супермаркета. В конце концов, не так уж все и плохо. Квартира оформлена на него. Можно сдать в аренду, а самому пожить какое-то время у родителей. Разобраться в себе, найти нормальную работу — ту, которая действительно будет интересна. А Аня и Витя... Это лишь логическое завершение инвалидных отношений. Последние несколько лет эти двое лишь пользовались им. Он же упорно не хотел этого замечать. И пусть этот жиробас только попробует пугать его своими корешами из отдела. Сейчас не девяностые,

заявление в прокуратуру быстро выбьет эту дурь. Что же касается дробовика... Его он вернет. Завтра же.

*

— Крутой?! — переспросил Шмыга и вновь нажал на курок.

На этот раз выстрел достиг цели — пуля попала в область поясницы. Ноги водителя подкосились. Он повалился на асфальт. Очки отлетели в сторону. На черной кожаной куртке проступило алое пятно, диаметр которого увеличивался с пугающей скоростью.

Атом в оцепенении наблюдал, как мужчина перебирал конечностями, тщетно пытаясь подняться.

— Ты зачем в него выстрелил? — в голосе слышался испуг. — Он же не пидор и не нифер — обычный мужик...

Шмыга наконец удосужился убрать детородный орган в лоснящиеся на коленках треники. Убрал пистолет в карман куртки. Безуспешно попытался затянуть завязки на резинке штанов. Предприняв несколько попыток, бросил это дело.

— А ты, сопляк, — слова с трудом сползали с его губ, — тоже хочешь нарваться?

— Нет! Шмыга, ты чего? Мы же с тобой кореша!

— Какой я тебе Шмыга, щенок?! — заорал он во всю мощь потасканных легких и достал пистолет. Вразвалку подошел к струхнувшему Атому, приставил оружие к голове. — Запомни раз и навсегда, плесень подзалупная, для тебя я Шмыгин Вячеслав Павлович! Еще раз назовешь меня так, разнесу твою тупую балду! Ты понял?

— Д-д... Да-а...

— Не слышу! Громче! — холодная сталь плотнее уперлась в висок.

— Да!

— А теперь полезай в тачку! И только попробуй пиздануть чего лишнего — жопу прострелю!

Атом покорно проскользнул на пассажирское сиденье «Со-

ляриса». Посмотрел на хозяина автомобиля сквозь лобовое стекло. Тот успел отползти на несколько метров. Перебирая локтями, он волочил обездвиженные ноги, оставляя за собой кровавую лужу.

— Все вы крутые, — сказал Шмыга, приблизившись. — Пока волны в ебло не пихнешь.

Он зажал пальцем правую ноздрию. Высморкался. Желто-зеленый сгусток приземлился на асфальт.

— Не стреляй... — прохрипел мужчина. — Забирай машину, деньги. Только не стреляй больше...

Шмыга ухмыльнулся:

— Раньше надо было думать, фраер галимый. — И выстрелил два раза. Тело водителя синхронно дернулось. — Такие дела, — сказал Шмыга в пустоту.

Он засунул указательный палец в ноздрию, извлек оттуда затвердевшую соплю. Посмотрел на нее, скривившись. Щелчком отправил в сторону. Вновь поправил в который раз сползшую с затылка пидорку. Подтянул тришки. Убрал пистолет в карман. Последний раз бросил презрительный взгляд на обмякший труп и открыл водительскую дверь седана.

*

— Диета, — пояснила Маша, когда Андрей проводил взглядом ее очередную покупку.

В компанию к диетическому творогу и обезжиренному кефиру отправились овсяные хлопья с отрубями и пшеничные хлебцы.

— Да нет, я так, просто... — поспешил оправдаться он, поняв, что невольно слишком пристрасстно разглядывал содержимое корзины.

— Да все нормально, — девушка улыбнулась. — Ты слишком много паришься по мелочам — в этом корень твоих проблем. Будь проще!

— О'кей, я попробую!

Он прошел в отдел бытовой химии, подальше от основной немногочисленной людской массы. Отвернулся к стеллажам, расстегнул куртку и переложил дробовик под другую руку. За-стегнул куртку, придерживая приклад правой рукой сквозь карман. Посмотрел на вспотевшую затекшую кисть левой руки. Пошевелил пальцами. Скривился.

— Вот ты где, — окликнула его Маша. — А я тебя потеряла!

— Бритвами увлекся, — отшутился Андрей. — Ты уже все?

— Ага, — кивнула девушка. — Пойдем.

Они зашагали в сторону кассы.

— Э, уважаемый? — позвал низкий мужской голос.

Молодые люди не расслышали обращение или просто не приняли на свой счет, продолжив путь.

— Маладой чэловек?!

На этот раз Андрей обернулся. Перед ним стоял смуглый курчавый мужчина в брюках и светло-бежевом линялом свитере с бейджином. Нагрудный знак гласил: «Акобир — охранник».

— Расстэгни куртка, пажалста! — строго сказал он.

— С какой это стати? — попытался возмутиться Андрей. В го-лосе послышались тревожные нотки. В ногах появилась ощути-мая слабость.

Маша с осторожным интересом наблюдала за нарастающим конфликтом.

— Я видэл, как вы что-то прятали под куртка в отдэле быто-вой химии! — продолжил охранник.

— Я... Я ничего не брал, — промямлил молодой человек. — Я просто поправил куртку. Вот и все.

Женщина за кассой и несколько редких припозднившихся посетителей с интересом повернули головы в ожидании действия.

— Послушайте, — сказала Маша. — Если у вас есть какие-то сомнения — вызывайте полицию!

— Да, дядь, мусоров вызывай! — влез в разговор наголо обритый юнец с баклажкой «Жигулевского» под мышкой. — И вообще, до тысячи рублей ничего не будет.

— Взяли моду! Не магазин, а тюрьма! — вмешалась старуха

в платке. — Я тут по НТВ недавно видела, один такой же, как ты — морда нерусская, — она подняла костыль и ткнула в грудь охраннику, — до инсульта бабу-блокадницу довел!

Акобир опешил от шквала критики, обрушившейся в его адрес. Но ничего предосудительного в своем поведении не усматривал.

— Харашо, — сказал он. — Полицию, так полицию!

Андрей похолодел лишь от одной мысли, что органы правопорядка обнаружат у него чужой украденный дробовик. Он сделал шаг навстречу охраннику и, выдохнув, собрался предложить какой-либо компромисс, но не успел. Душераздирающий грохот и звон осыпающегося стекла полностью заполнили собой окружающее звуковое пространство. Затем послышались крики.

*

— Где тут сцепуха? — спросил Шмыга, перебирая ногами педали «Соляриса». — И почему первая скорость не включается?

— Это же автомат, Вась, — Атом осекся. — Вя-Вячеслав Павлович то есть.

Шмыга рассмеялся и ударил товарища по плечу:

— Ладно, Вась, епты! Не бери в голову. Можешь называть меня, как тебе хочется. Погорячился я малость. Ведь мы же кореша с тобой! Так?

— Кореша, Вась! — подтвердил Атом, улыбнувшись.

— Вот и отлично! Так куда жать в этом автомате?

— Надо сначала тормоз выжать, это как сцепуха, а потом рычаг переключить. А вот куда, не помню... — Атом нахмурился. Попробуй «Рэ». Наверное, это значит — «Ракета». Пиндосы хуйни напридумывают — нет бы по-русски написать.

Шмыга перевел селектор в положение R и от души выжал педаль газа. Автомобиль подался назад и, описав причудливую дугу, впечатался багажником в столб светофора. Заднее стекло покрылось мелкими трещинами.

— Не, Вась, попутал ты — ни хуя не ракета! Попробуем

«И наоборот». — Шмыга снова взялся за переключатель коробки. — Да ебанный в рот! — выругался он, когда двигатель взревел вхолостую на нейтральной передаче.

Шмыга двумя руками поправил пидорку, сползшую с затылка на лоб. Посмотрел пьяными глазами в зеркало заднего вида. С третьей попытки выбрал правильное положение автоматической коробки. «Солярис» неровно двинулся по шоссе, набирая скорость.

— Вась, не гони так. Скользко же.

— Не ссы, ебтыть! Я в таких заездах участвовал, тебе и не снилось! Так что, как говорится, не учи отца, — Шмыга на ходу сунул в рот мятую сигарету и прикурил. — Мы с Сипой, когда только бизнес начали, выцепили двух телочек приезжих, поставили на точку — работаем потихоньку, не мешаем никому — бах! — он сотряс ударом лобовое стекло, — конкуренты, сука, объявились! Забили стрелку нам на Таксомоторном. Приезжаем, а там три быка на «Чероки» с калашами. Ну, а мы тоже не лохи были. У меня тогда самая моднявая кожанка на районе была, тришки — «адики» родные, парниша-фарцовщик знакомый с Польши подогнал, голда четкая, перстень с рубином — все по красоте. Одна проблема — волыны нормальной не было. С пневматикой на разборки пошли. Ну и один из быков, главный, выходит и говорит: «Здорово, босота! Кто главный тут в районе у вас?» Сипа делает шаг вперед: «Я главный. Со мной тебе базар тереть». А бык ебальник скривил: «Ты — главный? Да не гони, пацанчик». И рассмеялся. Долго смеялся. Сипа ждал. А когда тот заткнул наконец вафлю свою, ответил так тихо: «Гонят говно по трубам». Достал пневмат и в глаз ему выстрелил, — Шмыга еще раз в сердцах ударил по лобовому стеклу. — Затем за шею его схватил и ко второму глазу дуло подставил, себя прикрыв его черепушкой бритой. Бык визжал, будто в натуре на скотобойню попал. Кореша его в ахуе стояли просто. А Сипа кричит мне: «Шмыга, сопли не жуй там! Заводи тачку и сюда». Ну, я в «восьмерку» прыгнул, руки трясутся, даже заглох по перваку. Но потом дал шлифака, к ним подлетаю. Он быку во вто-

рой глаз стреляет. Тот пуще прежнего визжит. Обеими граблями табло прикрыл и воет белугой. Сипа калаш с него сорвал, в тачку прыгнул и заорал с надрывом: «Гоу, епта!»

«Солярис» проехал перекресток прямо, проигнорировав красный сигнал светофора. Раздались недовольные гудки. Автомобиль двигался по Кузьминской улице, углубляясь в лесопарковую зону.

— Мы поворот проехали, — тихо сказал Атом.

— Так надо, Вась! — процедил Шмыга, игнорируя знаки ограничения скорости.

Доехав до конца дороги — площади перед Влахернской церковью, он резко нажал на тормоз. Заблокированные колеса заскользили по покрытому ледяной коркой асфальту. Седан повело в сторону припаркованных вдоль обочины машин. Шмыга вывернул руль влево, но уйти от столкновения не удалось. Многогострадальный багажник влетел в дверь черного «Кайена». Такого растрескавшееся заднее стекло выдержать уже не смогло, покорно рассыпавшись на мелкие осколки.

Атом смотрел на собутельника широко открытыми глазами. Даже сквозь пелену алкогольного тумана происходящее немного тревожило его. Но Шмыга даже не заметил этого, завороченно глядя на подсвеченные золотые купола сквозь лобовое стекло.

Он вышел из машины. Пошатываясь, двинулся к церковным воротам. Стянул с головы пидорку. Поднял голову к небу. Три раза перекрестился и упал на колени, упершись лбом в асфальт. С минуту пробыл в таком положении. Поднялся. Еще раз троекратно перекрестился и задом попятился к машине. На полпути зацепил одной ногой другую.

— Блядь! — выругался Шмыга, поднимаясь. Затем поспешно бросил взгляд на купола и наскоро перекрестился. — Прости, Господи!

Он залез в машину, продолжая сжимать шапку в левой руке. Еще раз перекрестился, натянул пидорку на затылок и до упора нажал на газ. Автомобиль резко развернулся. Шмыга бешено

вращал рулем, продолжая топить педаль газа. Не сбрасывая скорости, он умудрился войти в поворот на улицу Юных Ленинцев, снова не обращая внимания на светофор. Со всех сторон послышались недовольные гудки.

— Сбрось скорость, Ва-а-ась! — кричал вдавненный в кресло Атом.

— Ссыкун! Как ты по трассе ездить будешь?!

По правую сторону дороги показался логотип «Пятерочки». Шмыга резко нажал на тормоз, влетая на парковку супермаркета. Неуправляемый автомобиль практически на полном ходу летел в высокую прозрачную витрину. Атом закрыл лицо руками и закричал.

*

— Ни хрена ж себе! — выпалил юнец с «Жигулевским» под мышкой.

Старуха в платке завизжала, обхватив голову руками. Остальные зачарованно уставились на искореженный автомобиль, камнем влетевший в огромное панорамное окно, начисто позабыв о предшествующем конфликте.

«Солярис», преодолев несколько витрин с шоколадками, чипсами и прочим мелким товаром, нашел свой покой в овощном отделе. Только чудом никто из окружающих не пострадал.

Андрей смотрел на застрявший в ящиках фруктов «Солярис» и машинально прикидывал повреждения: перед седана сложен в гармошку — помяты оба крыла и капот, с пробитого радиатора капает дымящийся антифриз, заднее стекло отсутствует полностью, переднее вдавнено вглубь салона, обе подушки безопасности сработаны. Он взгляделся сквозь сетку трещин и распознал два силуэта.

Посетители супермаркета неуверенно переглянулись. Охранник выдвинулся вперед.

— Акобир! — окликнула его кассир, молодая девушка с черными как вороново крыло волосами. — Не подходи!

И только бесчувственный сноб не уловил бы в ее интонациях нечто большее, чем дежурную заботу о коллеге.

Он повернул курчавую голову и посмотрел девушке в глаза.

— Я должен. Там внутри люди. Возможно, им нужна помощь.

— Это не твое дело! Ты всего лишь охранник! Вызови «скорую», полицию — пусть разбираются! — взмолилась кассир.

— Это моя работа!

Акобир посмотрел на «Солярис». Разбитые фары и изломанная решетка радиатора ненароком создавали иллюзию звероподобной улыбки. Охранник подошел к машине и заглянул в боковое стекло. Взялся за ручку двери, потянул на себя. Озабоченность и волнение на его лице сменились недоумением.

— Ты?! — спросил он удивленно.

— Спокойно, пацанчик, — прогнусавил Шмыга и упер дуло пистолета в живот охранника. — Назад отойди!

Едва удерживая равновесие, он, подобно раку-отшельнику, вылез из своей изуродованной раковины.

— Что, не ждали, суки?! — усмехнулся Шмыга. — Вась, ты как там?

— Нормально, Вась, — ответил Атом. — Ебало только покоцал малеха.

Он тоже вылез из машины и растирал кровь по разбитому лицу.

— Хы, Вась! — Атом посмотрел на испуганных граждан. — Смотри-ка, какие телочки тут!

Он подошел к полкам со спиртными напитками и выхватил первую попавшуюся бутылку водки. Открутил крышку и кинул ее охраннику в лицо:

— Лови, чушкарь!

Акобир увернулся, презрительно скривившись. Атом рассмеялся. Сделал добрый глоток огненной воды и передал алкоголь Шмыге. Он взял бутылку, продолжая угрожать пистолетом охраннику. Выпил. Поморщился. Вытер рот рукавом. Медленно оглядел присутствующих.

— Ну что, фраера галимые! Доставайте лавеху, трубки. Что

там еще? — он продолжал прихлебывать водку. — Карточки тоже давайте, пригодятся. А ты, пиковый, — Шмыга указал дулом на Акобира, — давай-ка по кассам пройдишь.

Андрей каменным изваянием стоял на месте, стараясь не дышать. Получалось не очень — взвинченная психика давала сбой, мешая корректно работать всему организму. Когда преступники переключили свое внимание на кассы и персонал, он осторожно повернул голову в сторону Маши. Внешне та полностью сохраняла самообладание и ничем не выдавала признаков волнения.

Едва ли можно было бы применить эти эпитеты на остальных: старуха в платке панически дрожала, сдерживая всхлипы и готовая вот-вот разреветься навзрыд; юноша с баклахой, бледный как мел, старался абстрагироваться и внимательно читал этикетку на бутылке; темноволосая девушка-кассир вжалась в прилавок, начисто позабыв о тревожной кнопке; другие же старались делать вид, что ничего не замечают, надеясь на взаимность.

— Пишол ты на хуй! — брезгливо ответил охранник.

Шмыга засмеялся и покачал головой:

— Как же я давно хотел это сделать.

Ни секунды не колеблясь, он выстрелил. Пуля попала в живот. Акобир пошатнулся и, задыхаясь, повалился на стойку с журналами. Ладонями он пытался заткнуть рану в животе, но кровь сочилась сквозь пальцы, заливая бежевый свитер.

Кассир выбежала из-за прилавка, начисто позабыв обо всех страхах. Она склонилась над охранником и взяла его за руку. Слезы потекли по щекам.

— Не умирай! Пожалуйста! — взмолилась девушка.

Атом вырвал бутылку из рук подельника. Сделал глоток. Осклабился.

— Вась, смотри, какие клевые цыпы тут, — он кивнул темноволосой девушке. — А меня возьмешь за руку так? Или за что-нибудь еще?

Они загоготали в унисон. Девушка смерила их бесстрашным

испепеляющим взглядом.

— Ну, иди сюда, брось ты чурбана этого, — Шмыга грубо потянул ее за плечо. — Пообщайся с ровными пацанами.

Кассир медленно поднялась на ноги и с размаху отвесила ему хлесткую пощечину. Затем отвернулась и как ни в чем не бывало вновь взяла Акобира за руку.

Шмыга потрогал щеку. На ней, помимо красной отметины-пятерни, осталась бордовая кровь охранника.

— Блядина! — он ударил девушку рукояткой пистолета по лицу, а когда та повалилась навзничь, пнул по ребрам. — Еще хочешь, сука?!

Он схватил девушку за волосы и развернул к себе лицом. Кассир поморщилась от сумасшедшего коктейля запахов многодневного перегара, прокисшего застарелого пота и гнилых зубов. Она закрыла глаза.

— На меня смотри, сука! — Шмыга дернул ее за волосы.

— Оставь ее в покое! — сказала Маша.

— Это кто тут такой смелый? — Шмыга медленно повернулся. Увидев хозяйку голоса, он расплылся в имбецильной улыбке. — Ух ты, какая телочка! Властная, люблю таких. А это пугало, — он кивнул на стоявшего позади Андрея, — ебать твой?

Никто не ответил. Только Атом раболепно загоготал, но быстро осекся.

— Не-е-ет, — Шмыга продолжил свои рассуждения вслух. — Это не твой ебать, — он уже стоял лицом к лицу с Андреем, потеряв к работникам магазина всякий интерес. — Ты же лошара конченный — гондон — самый настоящий! У тебя это на лице написано, — Шмыга схватил с прикассовых полок пригоршню презервативов Contex и швырнул их парню в лицо. — Вот ты кто!

Он схватил Машу за рукав и поволок за собой. Она бросила отчаянный взгляд в сторону своего спутника, но Андрей так и остался стоять на месте, продолжая буравить глазами выложенный плиткой пол.

— Вась, хватай ее! Сейчас самое веселье будет.

Атом обхватил девушку руками. Она попыталась сопротив-

ляться — грубо пихнула его ногой и несильно оцарапала лицо.

— Успокойся, сука! — отчеканил Шмыга, свалив девушку на пол одним ударом по затылку.

До последнего сохранявшая спокойствие и самообладание Маша не выдержала и заплакала. Тушь потекла по ресницам, оставляя следы на лице.

— Так гораздо лучше, — кивнул Шмыга.

Он поднес дуло пистолета вплотную к ее лицу:

— Поцелуй его.

Девушка всхлипывала и утирала слезы.

— Целуй, сука! — Шмыга вновь ударил ее по голове.

Она зарыдала в голос, но подчинилась, кротко поцеловав дуло пистолета.

— Так-то лучше, — Шмыга удовлетворительно кивнул. — А теперь мой друг достанет кое-что из штанов, и ты сделаешь то же самое. Только гораздо дольше, нежнее и с любовью. Ты же веришь в любовь? Вась, иди сюда!

Атом пьяно улыбался, держа в руке ополовиненную бутылку William Lawson's. На ходу он приспустил тришки и достал эрегированный половой орган наружу.

— Красавец, да? — сказал он, приблизившись к девушке. — Тебе же нравятся такие?

Машу забило крупной дрожью. Цвет кожи сделался в один тон с белым полом супермаркета. Ее красивое цветущее личико потускнело, а яркие живые глаза приобрели стеклянный оттенок очей утопленницы.

— Давай, сучка! — пропел Шмыга, стоя за спиной у девушки. — Разве ты никогда этого не делала? Уверен, тебе даже понравится...

Камерную тишину разорвал глухой выстрел. Голова Шмыги разлетелась кровавым месивом, обдав мелкими шмотками костей, кожи, мозгового вещества и рваными клочками ткани шапки-пидорки все окружающее пространство в радиусе нескольких метров.

Атом поднял взгляд. Брови удивленно взлетели вверх. Он

неуклюже попятился. Прозвучал второй выстрел. Тело Атома отбросило на несколько метров. Часть левой ноги повисла на куске мышцы, а на месте того, чем он только что так гордился, зияла пустующая дыра.

Андрей отбросил дробовик в сторону. Вышел из магазина и присел на ступеньки, обхватив голову руками. Вдалеке послышался шум сирен.

СНЕГ

За окном шел снег. Я сидел на кухне — пил крепкий кофе без сахара и смотрел, как подсвеченные фонарем снежинки кружатся в воздухе, описывая причудливые зигзагообразные дуги. Из радиоприемника едва слышно доносился голос Земфиры. Я достал из пачки сигарету. Прикурил. Вновь уставился в окно.

Зазвонил телефон. Я посмотрел на определитель. Снял трубку.

— Здорово, Макс! — поприветствовал Саня бодрым голосом.

— Привет.

— Чем занимаешься?

— Пью кофе, смотрю в окно, — честно ответил я.

— Пойдем бухнем?

— Блин, не знаю... Завтра вставать рано...

— Да заебал, пойдем.

— Ладно! Зайдешь?

— Ага, одевайся. Через пятнадцать минут будем.

Звонок в дверь. Я накинул куртку и вышел. Кротко поприветствовал товарищей. Мы вышли из подъезда и пошли в магазин. Саня и Веня взяли две двухлитровых баклахи «Очакова». Я же засомневался — напиться в дрянь или попытаться выпить культурно, не уходя в царство этаноловой Валгаллы. Остановился на втором варианте. Взял чекушку Nemiroff и поставил на ленту у кассы.

— Ну, думаю, на сегодня хватит, — вслух рассудил Веня. — А то денег, сука, нет больше ни хуя.

— У меня дури еще полграмма есть. Но ее на завтра лучше оставить, — ответил ему Санек, прикуривая сигарету. — Еще Костян с Бизнесом обещали подвалить. Может, у них что есть.

Закурить ему удалось лишь с третьей попытки — дул сильный ветер.

Мы зашли в парк. Сели на лавку. Веня открыл первую бакла-ху «Очка». Сделал внушительный глоток, надавливая двумя руками на стенки пластикового сосуда.

— Ух, бля! Заебись! Два дня не пил, — он передал батл Сане.

Я открыл Nemiroff и сразу выпил больше половины залпом. Закусывать было нечем, да и похуй.

— Помните этого мудака, Атома? — спросил Веня.

— Не-а.

— Ну этот наркот, епт! В двенаре все время тусуется. Да подели его стопудов.

— Ну, может. И что с ним?

— Да мудак, что тут говорить. Мусора прям в подъезде с чернухой спалили. Прям в тот момент, когда вмазывал. Ну и все, говорят — пиздец — на пару лет уехать может. Его уже не первый раз с этим делом берут.

— Да и хуй с ним! — Саня швырнул пустую баклаху в урну.

Мой чекан давно опустел и опустился на дно урны гораздо раньше. Поэтому я просто курил и любовался кристально-белым снегом, внезапно посыпавшим с неба крупными хлопьями. На улице было довольно тепло для середины декабря — около двух градусов ниже нуля. Тишину нарушил телефон, громкой мелодией прорывавшийся из недр Вениной куртки.

— Алло, епте! — ответил он собеседнику. — В парке. От главного входа прямо, затем налево. Там увидишь, — он нажал на «отбой» и убрал телефон. — Сейчас Костян с Бичом подойдут.

Новоприбывшие товарищи принесли с собой ящик «Золотой Бочки». Я, смирившись, что выпить культурно сегодня не вышло, взял первую за день бутылку пива. Пить пиво после сорокаградусного напитка не самая лучшая идея. И, возможно, утром я пожалею об этом. Пускай, ведь это будет утром, а пока приятный дурман алкоголя ненавязчивым теплом растекается по организму — и это главное.

— Тебе плохо не будет завтра? — спросил Саня, поймав мои мысли.

— Да хуйня это все! — ответил Игорь Бизнес за меня. — Во-

обще не зависит от того, как пить. Бывает, намешаешь все, что под руку попадется, и нормально утром. А бывает, пьешь одно пиво и охуеваешь потом! Рулетка, епт!

Через несколько часов пиво закончилось. Костя, Веня и Бизнес пошли по домам. Мы с Саней решили выпить еще что-нибудь. Порывшись по карманам, совместными усилиями собрали увесистую горсть мелочи — на баклаху хватит. Мы зашли в круглосуточный магазин, взяли пиво и расположились неподалеку. Пить никому из нас уже особо не хотелось, но упертая пьяная инерция упорно твердила, что это необходимо.

— У тебя сигареты остались? — спросил Санек, передавая бутылку.

— Ага, — я положил ему в руку пачку Pall Mall.

Он взял одну сигарету. Вернул пачку.

Дверь магазина громко хлопнула. Из магазина вышел Вака с черным пакетом в руке. Даже издали было заметно, что он изрядно пьян.

— Бля... Сейчас заebet, если заметит, — обреченно вздохнул Саня.

Вака жил в соседних домах. С периодичностью раз в два месяца менял работу. Имел две ходки: наркотики и грабеж. На зоне подхватил ВИЧ. Из пива пил исключительно «Охоту Крепкое». В общем, был неплохим парнем, но имел один существенный недостаток — слишком уж много пиздил. Не в смысле врал, а в смысле — говорил. И если ему удавалось найти свободные уши, доводил собеседника до белого каления. В прямом смысле этого витиеватого выражения.

Заметив нас, он подошел.

— Ребят, у меня тут это... Жена умерла. Может, помянем?

— Да мы уже домой идем, — я попытался отмазаться.

— Эх... Бля, ну что, вам в падлу что ли? По чуть-чуть, а?

Было заметно, что он едва держался на ногах. Я жестом показал Сане, мол, выпьем по одной и свалим. Он кивнул в ответ.

Вака раздал нам одноразовые стаканы, разлил. Достал из пакета апельсиновый сок «Добрый», на запивку. Водка

неприятно обожгла горло.

— Ладно, мы пошли, — сказал Саня, возвращая сок.

— Ну ребят! Ну ебанный в рот... У меня жена умерла. Выпьем еще, а?

— Ладно, наливай, хуй с тобой!

Бутылка опустела. Вака тут же залез в пакет и извлек еще одну.

— Нет, все! Извини, но нам правда пора, — сказал я.

— У меня жена умерла, суки ебанные! Вы хоть знаете, что это такое?! — Ваку поперло на агрессию. Видимо, пары алкоголя окончательно выжгли оставшиеся мозги. — Вам выпить запахло?

Он схватил меня за куртку и заорал в лицо, обдавая слюной:

— Ты, сука! Ты хоть понимаешь, что это такое? Понимаешь, а?

Я почувствовал запах гнилых зубов и блевотины. Меня передернуло. Я оттолкнул его. Ударил кулаком по лицу. Вака пошатнулся. Упал на асфальт, ударившись головой о бордюр.

— Суки... Вы хоть знаете, что это такое... — как мантру бормотал он, пока окончательно не потерял сознание.

Из затылка потекла кровь. Ее алый цвет удивительно контрастировал с ослепительной белизной выпавшего снега, подсвеченного желтыми фонарями.

Я достал из кармана пачку Pall Mall. Мы закурили и зашагали прочь.

— Как думаешь, он коней-то не двинул? — спросил Саня.

Он обернулся на лежащее тело.

— Не знаю, — ответил я, выпустив дым в подмороженный воздух.

Я не обернулся.

BAD TRIP

— Короче, трахает Буратино Мальвину. Ну, Буратино такой: «А-а-а... Хорошо!!! Кончаю, бля!» В общем, близок к оргазму, все дела. Ну а Мальвина ему и отвечает: «Тебе-то уроду хорошо, а у меня вся пизда в занозах!»

— Не смешно, — я переминался с ноги на ногу. — Когда этот мудака толстый выйдет? Я уже ног не чувствую.

— Бля, Макс, расслабься, — Костя показал на свою бутылку, — у меня вон в пиве лед плавает, и ничего. Главное — правильно себя настроить. Я тут историю недавно в «ВК» читал про типа одного, моряком он был. Плыл с командой на барже, груженной морепродуктами под завязку. Прибыли они в пункт назначения, разгрузились и поплыли обратно. А моряка того случайно в морозильной камере оставили. В помещении имелось какое-то количество еды, но не скоропортящейся. Чувачка по прибытии находят мертвым, сжимающим в скованных руках листок бумаги. На листке записи о том, как ему было холодно. Что-то типа дневника. Он подробно описывал ощущения онемения ног, пальцев, того, что у него идет пар изо рта, ну и прочие признаки обморожения.

— В чем приколы? — скептически спросил я.

— В том, — Костя сделал последний глоток и положил бутылку в урну, — что моряки выгрузили весь товар. И в целях экономии электроэнергии отключили холодильник.

— То есть, в трюме, где он сидел, была нормальная температура?

— Именно так. Я не случайно пояснил, что еда, не требующая низких температур, у него имелась. Втыкаешь: чувачка спокойно мог плыть, жевать булочки с маком и наслаждаться тишиной. Вместо этого он описывал совершенно надуманные ощущения, да так себя загрузил, что лапы склеил.

— Да уж. Забавно.

— Да ни хуя забавного. Все наши заморочки тут, — он приложил указательный палец к виску. — Самовнушение, вот что по-настоящему важно. Как себястроишь, так и будет. Все остальное — хуйня. Если ты ощущаешь себя говном, то, какую ширму ни нацепи, все равно останешься говном. И напротив, можно изменить мир, имея веру в себя и капельку удачи.

— Знаешь, я поддерживаю твои увлечения эзотерическими учениями, но мне дико не по кайфу стоять тут в двадцатиградусный мороз в кроссовках и пить пиво со льдом.

— Да ну тебя, — Костя закурил.

— Мне тоже дай, пожалуйста, штучку.

Он протянул пачку «Парламента». Я достал сигарету, закурил. Пиликнула дверь домофона. Мы синхронно повернули головы в сторону подъезда, ожидая увидеть Веню, но оттуда вышел Петян — наш бывший одноклассник. Заметив нас, он восторженно подбежал и рассыпался в рукопожатиях.

— Здорово, парни! Как жизнь-то?! Сколько лет, сколько зим!

— Как обычно, — пожал плечами я, — пива вот вышли попить. А ты как?

— У-у-у!!! — Петян восторженно, словно только что лишившийся невинности подросток, задрал голову и налился румянцем. — Работы — непочатый край! Начальником по продажам поставили. Представляете, парни?! А начинал-то, с курьера! — Он вновь дернул головой, обдав меня тошнотворным ароматом какого-то дешевого парфюма.

У Петяна всегда был дурной вкус. Новое социальное положение ничуть не изменило сей конфуз. Да и одевался он по-прежнему как лох: бежевые брюки в полоску с тщательно наглаженными стрелками, коричневая потертая кожанка, ботинки, похожие на деревенские валенки с молниями по бокам.

— Молодец, Петян! — наигранно сказал я, приподняв бровь.

Но он, конечно же, этого не заметил, так как был поглощен рассказом о новой успешной жизни.

Петян еще какое-то время продолжал нести требуху про

иностранных инвесторов, контракты, которые заключались исключительно благодаря его безграничному обаянию, и травил прочие байки среднестатистического менеджера.

Я уже собирался послать бывшего собрата по школьной скамье на три буквы кириллицы, но меня опередил Костя, плавно переведя беседу в другое русло.

— Тебя давно видно не было. Переехал?

— Да, теперь снимаю квартиру. Сегодня выходной, заехал родakov навестить. А еще, — Петян вновь залился краской и кивнул в сторону стоянки, — тачку себе купил.

На последнем слоге он непроизвольно пустил петуха. Перевел взгляд на Костю. Как и я, он едва сдерживал смех.

Тем временем начальник по продажам продолжил монолог:

— Honda Accord, черный металлик, автоматическая коробка, ABS, движок 2.4, 190 лошадек, кожаный салон. Седьмого года — почти новая! Пробег всего тридцатка!

— Поздравляю, Петр, поздравляю! — я сжал его руку в крепком рукопожатии.

Вновь противно пикинул домофон. Из дверного проема вывалилась тучная фигура Вени.

— Ни хуя, ептыть, Петян! — с ехидной улыбкой он подошел к нам.

— Привет! — новоявленный автомобилист протянул ему руку, которая тут же попала в тиски могучей пятерни.

Былой задор начальника по продажам вмиг испарился.

— Ух, как мы тебя пиздили в детстве! Помнишь, сученыш? — Веня мечтательно, словно говорил о любимой девушке, закатил глаза. — Никого так не пиздили, а тебя пиздили!

Петян не без труда извлек ладонь из медвежьего рукопожатия и нервно посмотрел на нас.

— Да ладно тебе! — Костя попытался стабилизировать ситуацию. — Веня просто шутит. Так ведь?

— Ну да, — безразлично пожал плечами тот.

— Петян тут себе машину новую купил. Предлагает обмыть — посидеть, школу вспомнить, — продолжил я.

— Я... Я не знаю... Можно в принципе. Правда, мне на работу завтра...

— Да прекрати. Когда еще с одноклассниками увидишься? Ты теперь большой человек, занятой. Часик посидим, по рюмашке выпьем да по домам.

— Даже не знаю. Мне за руль завтра.

— Петя, — Веня бережно обнял его за плечи, — будь ближе к народу. Прокатишься разок на метро. Тачку надо же обмыть. Так или нет? Или ты, Петя, жлобом стал?

— Да вы что, парни?! Я жлобом никогда не был! И вообще, — в его голос вернулась былая гордость, — я сегодня премию получил. Так что угощаю!

*

Веня плюхнулся на стул и погрузился в изучение меню. Я уставился на проектор, транслировавший матч КХЛ. Подошел официант.

— Ну что, ребят, графинчик «Кедровой»? — спросил Петя.

Веня бросил на него испепеляющий взгляд и обратился к официанту:

— Пятьсот «Бифитора»... И... Пятьсот... Нет, семьсот «Джеймисона».

Петян было открыл рот, но тут же закрыл. Отчего сделался похожим на большого сома, плававшего в аквариуме неподалеку от нашего столика.

— И пожрать что-нибудь! — крикнул Веня удаляющейся фигуре в белой рубашке. Затем по очереди обвел нас взглядом: — Что мы, алкаши какие? Без закуски-то...

Заказанное спиртное ушло довольно быстро и ободряюще подействовало на нашего глубокоуважаемого спонсора. Он перестал нервничать, дергаться и продолжил свой рассказ о приобретенном авто.

— Думал сначала «бэху» в кредит взять, а потом подумал: чем японец хуже? Да ничем! Напротив, по запчастям и ремонту

дешевле гораздо. Так ведь? — его голос уже заметно заплетался.

Я понимающе кивнул. На этот раз без сарказма. Японские машины по стилю и дизайну импонировали мне намного больше, нежели европейцы. Но в тот момент я не собирался углубляться в эту тему — хотелось выпить.

— Петь, может, еще бухла зацепим?

— Ну... А работа...

— Да заебал ты уже со своей работой, — перебил его Костя и махнул официанту.

*

— Да говорю тебе, чмошником он был, чмошником и останется. Горбатого могила исправит! — Веня выпустил струю дыма в морозный воздух.

Мы курили у дверей кабака. Костя и Петя еще находились внутри, получали вещи в гардеробе.

— Ладно тебе. Человек угостил все-таки. Прояви хоть каплю уважения.

— И хули с того, что угостил?! Я ему жопу теперь лизать должен?

— Я не говорю, что ты должен лизать ему жопу. Хотя бы не подъебывай его каждые две минуты.

— С каких это пор в тебе такая толерантность проснулась? Еще ладно к кому-то другому. Но к этому мудаку... — Веня непонимающе посмотрел на меня.

Ответить я не успел. На улицу вышел Костя. Следом за ним вывалился Петян.

Веня успел ухватить рукав коричневой кожанки, чем спас бедолагу от неминуемого поцелуя с припорошенным снегом асфальтом.

— Куда теперь? — спросил я.

— Может, пива возьмем, в тачке посидим? — предложил осунувшийся, словно мешок с говном, начальник по продажам.

По-хорошему, его надо было отнести домой. Но тогда мы те-

ряли дойную корову, ходячий кошелек, делавший наш вечер чуточку краше обычного. Естественно, мы согласились.

Петя кое-как сел за руль, повернул ключ зажигания. Двигатель бесшумно заработал, салон стал постепенно согреваться. Севший на переднее сиденье Веня включил музыку. Какое-то время мы просто сидели, неспешно потягивая пиво. От кабака до машины, припаркованной около нашего дома, было довольно приличное расстояние. Так что мы успели порядочно замерзнуть. Теплый воздух и выпитое спиртное действовали немного усыпляюще. Да и цифры на приборной панели перевалили уже далеко за полночь.

— Домой пойдем? — спросил Костя.

— Да погоди ты, заладил: «Домой-домой!» Надо лоха еще подоить, — Веня откупорил бутылку «Золотой бочки».

— Как ты собираешься это делать? — кивком головы я указал на бездыханное тело за водительским креслом.

Петян положил голову на скрещенные на рулевом колесе руки и бормотал что-то невнятное.

— Не, Макс! Ну что ты прям, ептыть! Ну, я не знаю прям! — Веня посмотрел на меня взглядом математика, возмущенного тем, что его нерадивый ученик не может освоить сложение дробями. Затем он извлек из кармана Петиных брюк коричневый кошелек и потряс перед моим лицом. — Элементарно же все, ептыть!

— Сколько там?

— Бля, да еще десять кусков осталось. А когда в баре просил еще джину купить, ныл: «Нету у меня, нету!»

— Что делать будем? Пить неохота уже. И так где-то по литру в рыло выпили да перемешали с пивом. С утра пиздец голове будет.

— Может, шлюху снимем? — предложил Костя.

*

Мы вышли к автобусной остановке. Веня остался в машине караулить Петяна. Я вытянул руку. Несмотря на поздний час, на дороге было довольно много машин, и спустя несколько мгновений возле нас остановился серый Volkswagen Golf. Тонированное стекло медленно опустилось. Нашему взору предстала лысоватая седая башка. В голове мимолетно проскочил образ какого-то киногероя.

— Куда вам, парни?

— Мужик, а где тут шлюху можно снять? — я не стал церемониться и размениваться на ненужные предисловия.

Из-за количества выпитого было удивительно, как мы еще держались на ногах, не говоря уже о правилах этикета.

— Шлюху... — мужик задумчиво почесал подбородок. К нашему глубочайшему удивлению, он не нашел ничего зазорного в моем вопросе. — Садитесь, сейчас что-нибудь найдем.

Мы сели на заднее сиденье. Радиоприемник транслировал пошлые шутки «Юмор FM». Я еще раз внимательнее посмотрел на хаотично разбросанные по голове волосы, слегка изогнутый нос, и тут меня осенило, какой образ всплыл в памяти. Мужик как две капли воды был похож на неизлечимо больного маньяка из фильма «Пила». По-моему, его там так и звали — Пилой. Он посмотрел на нас в зеркало.

— Что-то глухо пока, ребят. Но ничего, — он повернулся к нам. Глаза на бледном лице искрились нездоровым блеском. — Сейчас найдем сучку! Уж об этом не беспокойтесь. Найдем суку!

Мне стало немного не по себе. Проехав окрестными дворами до станции метро «Текстильщики», автомобиль безумного старика выехал на Волгоградский проспект. Завидев любую особь женского пола, таксист резко жал по тормозам и кричал на всю улицу: «Девушка, работаете?» После того, как насмерть перепуганные девушки исчезали из его поля зрения, он поворачивался к нам, едва слышно приговаривая: «Сейчас, найдем сучку! Найдем суку!»

Когда Golf пронесся мимо метро «Кузьминки», я осторожно попросил водителя высадить нас там же, где мы сели. Он пристально посмотрел на меня.

— Ты прав, парень. Кстати, ребята, вы так и не представились, — он продолжал поочередно смотреть на нас, забыв о том, что автомобиль несется по шоссе со скоростью за сотню.

— Я Костя, а это Макс, — нервно выдавил из себя Костя.

— Отлично! А я Юра. Будем знакомы, — мы обменялись рукопожатиями. Только после этого он вернул взгляд на дорогу. — Давайте тогда поступим так: эти шалавы думают, что хитрее всех, но не переживайте — мы найдем сучку! Все дело в том, что нас трое. Если я подъеду один, то эти бляди налетят на меня как стервятники на падаль. Уж об этом вы не беспокойтесь!

Юра высадил нас. Кое-как объяснив ему, где стоит наша машина, я обменялся с ним телефонами и попрощался. Купив еще несколько бутылок пива, мы направились к «хонде».

— Ну что, нашли что-нибудь? — спросил Веня.

— Ага, полоумного старика. Но он обещал, что как только кого-то найдет, то сразу же подъедет.

— Да куда он не подъедет, — Костя нервно закурил. — Ты его видел? Он вообще на голову ебнутый по ходу. Я думал, сейчас порешит нас прям в салоне!

— Ну, вы даете, ептыть! Вас же шлюху просили найти! Шлюху от старика отличить не можете?

— Иди ты на хуй! Иди сам да ищи! Сидел тут в машине, жопу толстую грел...

— Ладно, все, проехали. Дай пивка лучше. О, смотрите! Тут в бардачке маркер есть!

— Нарисуй Петяну на щак что-нибудь. У него как раз совещание какое-то завтра, вернее, — Костя посмотрел на часы, — сегодня.

— Ну, это само собой. Что рисовать?

— Не знаю, сам придумай.

— У всех творческий кризис, что ли? Ладно, тогда просто заштрихую ему лицо, пусть негром будет.

Веня уже водил маркером по ушам Петяна, завершая свое шедевральное произведение, когда у меня зазвонил телефон. Мы переглянулись.

— Епты, Юра Таксист звонит! — довольным голосом произнес Костя, глядя на дисплей моей «Нокии».

Я поднес телефон к уху.

— Я тут, — без предисловий начал Юра. — Говорил же вам, что найду суку!

— Э... Здесь — это где? — неуверенно ответил я.

— Здесь — это здесь. Не еби вола, рыло назад оберни.

Я бросил взгляд в зеркало заднего вида. Глаза ослепил яркий свет ксеноновых фар. Мне стало немного не по себе.

— Ну что ты молчишь, — продолжил таксист. — Идете пороть сучку? Или так и будете сидеть там, как кучка педиков?

— Идем-идем, — я нажал на «отбой». — Ну, кто первый?

*

— Следующий! — Костя открыл дверь и плюхнулся на сиденье.

Поскольку в машине спал изрисованный маркером Петян, полоумный Юра любезно предоставил нам свой Golf, сам же подсел к нам в «хонду».

— Как сучка? — спросил Юра, словно ребенок, ожидающий Нового года.

— Нормально, — ответил ему Костя.

— А кто платит? Вы вскладчину или кто-то проставляется? — таксист не унимался, продолжая донимать нас своими вопросами.

Я расплатился с ним сразу, как он подсел к нам. Видимо, поэтому он повернул свою седую башку и вперился в меня взглядом:

— Ты?

— Нет, он, — я ткнул пальцем в ставшую на время черной физиономию спящего Петяна.

Юра хотел спросить что-то еще, но я уже вышел из «хонды» и направился в его машину. Веня курил неподалеку.

— И как? — спросил я.

— Как обычно, — он махнул рукой.

Я сел в машину. Девушка имела довольно стандартный для жрицы любви вид: сетчатые колготки, короткая юбка, такой же длины шубка и голова, окрашенная в пергидрольно-блондинистый цвет.

— Как дела?

— Давай быстрее, у меня все по часам.

— Ладно-ладно, представься хоть.

— Оксана, — бросила девушка. — Слушай, я правда спешу. Не приеду вовремя — пиздец! Еще этому вон мудаку, — она кивнула головой в сторону Юры, о чем-то беседовавшего с Веней, — отсосать надо.

*

— А нормальный мужик, не знаю, чем вам не понравился, — философски изрек Веня, когда Volkswagen исчез за поворотом.

— Да хуй с ним! Я спать хочу. Шесть утра уже. Давай долбоеба будить.

— Не вопрос, — Веня с размаху ударил сейл-менеджера по лицу.

Петян, словно сомнамбула, огляделся по сторонам. Он все еще был смертельно пьян.

— Пора ехать, совещание пропустишь, — сказал я.

Он, как робот, посмотрел на меня, переключил селектор коробки передач, затем сдал назад и выехал на дорогу.

— Парни, может, остановить его? — неуверенно спросил Костя.

— Да ладно, прокатимся, — Веня закурил и откинулся на спинку кресла.

Петян резко нажал на газ. Машину занесло, но он вырулил. Мы выехали на прямую дорогу. Начальник по продажам вновь

вдавил педаль газа в пол. Меня бросило на Костю.

— Блядь!!! — заорал Веня. — Сука!!! Я все еблище разбил!

Немного придя в себя, я посмотрел вперед: лицо Вени было в крови, но вроде ничего серьезного. Изрисованное маркером лицо Петяна уткнулось в подушку безопасности.

— Мы, что, врезались, что ли?

— Нет, бля, взлетели!!! Надо ебу давать, сейчас мусора приедут!

— А с этим дураком что будем делать?

— А что с ним делать? Лишение прав и пятнадцать суток. Давайте быстрее!

Перед тем как выйти из машины, я напоследок бросил взгляд на своего бывшего одноклассника. Он даже ничего не понял: уткнувшись в подушку безопасности, бормотал про иностранных инвесторов и контракты.

— Фу, вроде бы ничего не сломал. Только нос разбил, — Веня осторожно ощупал лицо.

— Куда теперь? Домой?

— Пойдем еще по пиву и домой. Еще два куска осталось, — предложил я.

— Да, пожалуй, а то что-то перенервничал. Говорил я тебе, чмошником он был — чмошником и остался! А ты...

ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ ОКТЯБРЯ

Телефонный звонок вывел из тревожного похмельного сна. С трудом открыв глаза, я нехотя схватил телефон.

— Да...

— Джабу можно?! — спросил меня незнакомый мужской голос с сильно выраженным акцентом.

— Нет, — пробормотал я в ответ, нажал кнопку с изображением красной телефонной трубки и поднялся с кровати.

Наскоро принял душ, умылся. Вернулся в комнату, закурил и уставился в окно. С клена упал красно-желтый лист. Сделав несколько оборотов в воздухе, он будто на мгновение задумался, замедлив скорость, и все же решил присоединиться к своим собратьям, укрывавшим плотным слоем черную мокрую землю.

Докурив сигарету, я снова лег в кровать и плотно, с головой, укутался в одеяло. Голова болела ужасно. Казалось, что внутри поселилась крохотная бригада ремонтников, намеревавшаяся устроить демонтаж некоторых слоев мозга, пропитанных этаноловым дурманом. Вновь зазвонил телефон.

— Да, — зло буркнул в трубку я.

— Слушай, Джабу позови мне, а?! — все тот же голос.

— Нет... Его тут нет...

— А где он тогда? — удивленно спросил иностранный собеседник.

— Не знаю... Наверное, уехал на историческую родину, — я нажал на «отбой» и бросил телефон в кресло, оставив высокоинтеллектуального собеседника терзаться в глубоких сомнениях.

Я взял книгу — роман Брета Истона Эллиса «Ниже нуля». Прочитав несколько строк, сразу же отложил: закружилась голова, тошнота подступила к горлу, бросило в жар. Наскоро прыгнув в нулевые «найки» и накинув куртку, я выбежал на улицу. Жадно вдохнул холодный осенний воздух. Дружелюбно завывая хво-

стом, ко мне подбежала невысокая рыжая дворняга. Я похлопал ее по загривку и пошел в сторону магазина. Приступ тошноты отступил, но общее состояние организма оставляло желать лучшего.

Купив три бутылки «Балтики №7» и пачку «Кента», я зашел в парк и сел на первую же лавочку. Осушив первую бутылку почти залпом, достал сигарету и закурил. Листья продолжали неспешно падать. Лежать и ждать, когда через несколько недель их накроет пушистый ковер кристально-белого снега.

Размышления прервал телефонный звонок. Приготовившись покрыть матом утомившего собеседника, я достал из кармана куртки телефон. Снял трубку и услышал хорошо знакомый женский голос.

— Привет!

— Привет, Алиса! — ответил я, повеселев.

— Как ты? Чем занимаешься? На занятиях?

— Бывало и лучше. До занятий не дошел по состоянию здоровья. В парке сижу на лавке, пиво пью. Вернее, уже почти допил.

— Надрался вчера опять, что ли? — спросила девушка, рассмеявшись.

— Ага, — понуро ответил я.

— Не хочешь встретиться сегодня?

— Давай! С удовольствием! Хоть сейчас.

*

— Понимаешь, Макс, мне казалось, что он особенный! А он напился и при всех полез мне в трусы! — воскликнула Алиса.

Я невольно засмеялся, делая очередной глоток. Пивная пена вылезла из бутылки и стекла по стенке.

— Что ты смеешься? Этот урод прям там меня трахнуть хотел, — она никак не могла успокоиться.

— Ну... Я бы тоже хотел! — я улыбнулся.

Алиса шутливо ударила меня локтем в бок и картинно наду-

ла губки. Какое-то время мы провели в тишине, любуясь необычайной красоты лесополосой, утопающей в золотой мантии.

Серое небо покрыли свинцовые, готовые вот-вот извергнуться острой холодной водой облака, но вдруг на какой-то миг, на сотую долю секунды, солнцу удалось пробиться сквозь них и вновь спрятаться обратно.

— Видела?! — восторженно спросил я, переведя взгляд на Алису.

— Что?

— Да так... Неважно. Показалось, наверное.

Я открыл еще одну, не помню уже какую за сегодня бутылку пива. Сделал глоток и вновь посмотрел на небо, надеясь еще хоть раз увидеть мимолетный солнечный проблеск.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Контрацептив	4
Снег	40
Bad Trip	44
Последний день октября	55

Денис Липовский

Контрацептив

Дизайнер обложки Анастасия Агафонова
Корректор Таня Исакова

У вас когда-нибудь случалось так, что все, во что вы верили, то, в чем видели смысл жизни, рассыпалось в пыль за несколько часов?

ISBN 978-5-4485-7520-4

9 785448 575204 >

Внимание!
Книга содержит
нецензурную
б р а н ь